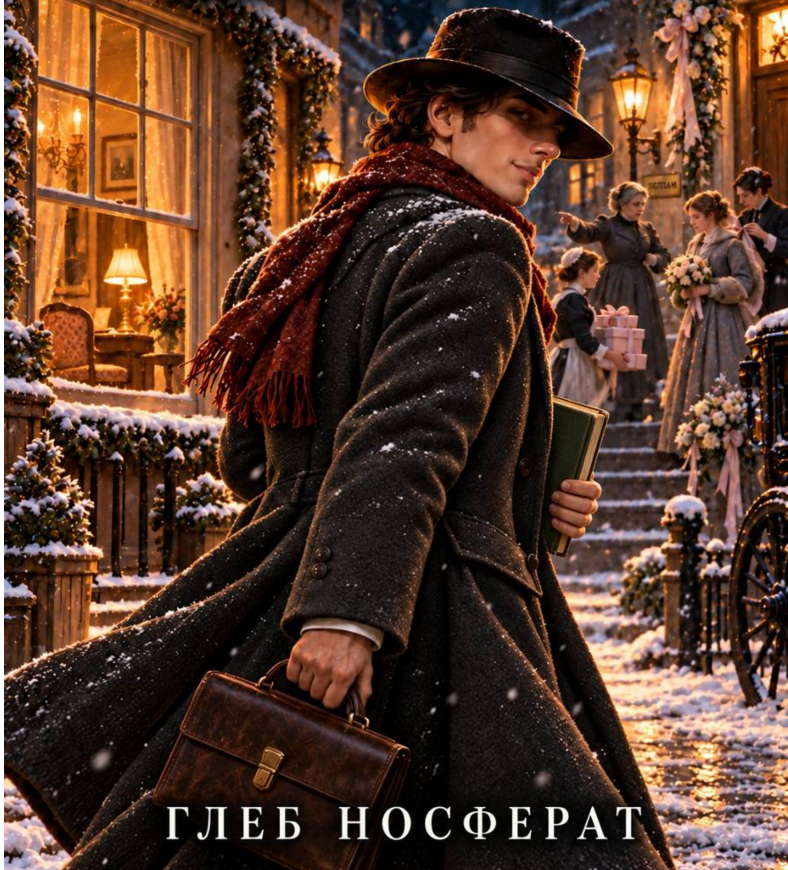

ПРАВИЛА ПОРЯДОЧНОГО ОБМАНА · КНИГА ВТОРАЯ

ВЫГОДНАЯ ПАРТИЯ

ГЛЕБ НОСФЕРАТ

Глеб Носферат

Выгодная партия

<https://litres.ru/74669958>

SelfPub; 2026

Аннотация

Брачный агент Мартин Эш свел одиннадцать пар, помирил враждующие семьи и выдал вдову за ее же управляющего. Так написано в его книге записей. Книгу Эдмунд написал за один вечер.

Теперь у него настоящий заказ: семнадцатилетняя невеста, четыреста тысяч приданого и тетя, которая очень спешит со свадьбой. Эдмунд Фарроу тоже спешит, только не к алтарю, а к деньгам.

Но жених слишком хочет жениться, тетя слишком хочет его женить, богатая старуха слишком хочет замуж за самого агента, а человек с записной книжкой слишком хочет знать, откуда этот агент взялся.

Эдмунд привык обманывать честных людей. С нечестными оказалось гораздо утомительнее.

Содержание

Глава 1: Четыреста тысяч	4
Глава 2: Архив	15
Глава 3: Одиннадцать детей	26
Глава 4: Мелкий, новый, голодный	37
Глава 5: Предпочтительный жених	49
Глава 6: Первые претенденты	60
Глава 7: Сорок два против семнадцати	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глеб Носферат

Выгодная партия

Глава 1: Четыреста тысяч

Поезд шел до конца, и до конца Эдмунду Фарроу оставалось сорок минут не быть никем.

Состояние редкое, и пользоваться им он не умел. Газета лежала у него на коленях первой полосой вниз, за окном шли мокрые поля, а в подкладке пальто лежали тридцать пять тысяч сто с чем-то крон, которые уже два часа не делали решительно ничего. Он посчитал их трижды, не вынимая. Счет сходиллся. Больше в это утро не сходилась ничего.

Молодая женщина с окуляром через проход давно убрала окуляр в саквояж и дремала, прислонившись виском к стеклу. Оправа в гнезде так и сидела неплотно. Эдмунд посмотрел на саквояж в последний раз и отвернулся.

Не сейчас. Он сказал себе это еще в Марчфилде и теперь повторил.

За спиной, через два ряда, разговаривали две дамы.

Он не слушал нарочно: разговоры сами в него укладывались, как монеты в кружку. Дамы говорили о погоде, о кухне, которая опять не приедет, о сырости в Лоувике. Голос у одной был низкий и твердый: этот голос привык отдавать

распоряжения и не привык, чтобы его переспрашивали.

— ...и я вам скажу, Летти, тянуть дальше некуда. Девочке семнадцать. Весной будет восемнадцать, и тогда — вы понимаете.

— Понимаю, — сказала вторая без всякого понимания.

— Четыреста тысяч, Летти. Четыреста. Это не те деньги, которые оставляют на волю случая.

Эдмунд не пошевелился.

Только пальцы правой руки, лежавшей на газете, сделали то, что делали всегда: большой прижал к ладони указательный, потом средний, потом безымянный. Четыреста. Тысяч. Крон.

— Нужна процедура. Приличная. Чтобы все было как у людей: сват, претенденты, выбор. Чтобы потом никто не сказал, что девочку выдали второпях. Я сама этим заниматься не могу, это неприлично, когда тетка бегает по городу с предложениями. Нужен человек.

— Агент?

— Агент. Только не из этих, с Герцогского холма, которые прежде чем взяться за дело, два часа задают вопросы. Мне вопросы не нужны. Мне нужно, чтобы человек делал, что ему скажут, и благодарил.

Эдмунд перевернул газету первой полосой вверх и сделал вид, что читает про Хейлфорд.

Газета годилась как ширма. Он прочел одну и ту же строку четыре раза и за это время выучил все, что можно выучить,

не поворачивая головы. Даму звали госпожа Пеллам: так ее назвала вторая. Ехали они в Лоувик, к родне, на неделю, не больше: «к следующей среде я обязана быть дома, а второго февраля у меня прием». Девочка приходилась ей племянницей, дочерью покойного брата мужа, и у девочки было «приданое от отца, слава богу, отец был человек предусмотрительный». Покойника похвалили сквозь зубы. Чего-то ему при жизни не простили.

И жених, по-видимому, уже был.

— Капитан — человек достойный, — сказала госпожа Пеллам.

Сказано было слишком гладко: госпожа Пеллам доказывала, хотя никто с ней не спорил.

— Семья его знает. Но приличия требуют, чтобы был выбор. Двое, трое. Пусть посмотрят, пусть откланяются. А там и объявим.

— А Тесса?

— Тесса — ребенок. Тесса читает романы и думает, что жизнь устроена, как в романах. Ей скажут, за кого, она и пойдет. Она у меня послушная девочка, Летти, глупенькая, но послушная.

Глупенькая было сказано старательно.

Эдмунд положил это туда же, куда косую оправу: слово должно было лечь поверх чего-то другого, как салфетка на пятно.

Но это было на полях. На самой странице стояло одно,

крупно.

Четыреста тысяч.

За оставшиеся до узловой полчаса он ни разу не повернул головы.

Поворачивать было незачем: этот голос он узнал бы и в толпе. Госпожа Пеллам была вдова: Летти назвала покойного «вашего бедного Эдварда» и получила в ответ короткое «да» без всякой бедности. Дом у нее был в Велмонте, в Сент-Олдвине: Летти спросила, не замерзнут ли без хозяйки цветы в зимнем саду, а зимние сады держат только там, где пар из магистрали доходит горячим. Тесса ехала тем же поездом, горничную оставили сторожить дом, и горничной «второй месяц не плачено, но она терпит, они все терпят, Летти, пока их не разбалуеть».

Про этот дом он теперь знал больше, чем положено постороннему, и как раз столько, сколько нужно, чтобы в него войти.

Оставалось одно, и это одно он сделал, когда по вагону пошел кондуктор с книжкой.

Кондуктор проверял билеты в проходе, а у тех, кто сходил на узловой, еще и записывал в книжку фамилии: на этой линии так завели с прошлого года. До Эдмунда он дошел первым.

— Сходите на узловой? Фамилия, род занятий.

— Фарн. Эллиот Фарн, оптический мастер.

Он сказал это, как говорил одиннадцать лет, не думая: ду-

мал он в эту минуту о четырехстах тысячах. Кондуктор записал и пошел дальше, к дамам, и весь вагон теперь смотрел на кондуктора. Эдмунд поднялся, снял с полки чемодан и в этом движении, боком, прочел бирку на саквояже, который стоял в ногах у твердого голоса.

Дорогая кожа, латунная рамка. Чернилами, крупно, с нажимом на заглавных:

Г. Пеллам. Велмонт, Сент-Олдвин, Ивовая, 14.

Кондуктор, уже с билетом госпожи Пеллам в руке, на секунду поднял глаза — на бирку, на Эдмунда, снова на бирку — и вернулся к своей книжке.

Он поставил чемодан, сел и до самой узловой смотрел в окно, где не было ничего, кроме дождя.

На узловой он вышел.

Вышел спокойно, как человек, которому здесь пересадка, и постоял под навесом, пока поезд не ушел дальше, в сторону Лоувика, увозя госпожу Пеллам, Летти, племянницу и молодую женщину с окуляром, которая так и не проснулась.

Потом он пошел к расписанию.

Обратный на Велмонт шел в два сорок. Он взял билет во второй класс, купил в буфете чаю и пирог с почками и сел у окна. Буфетчица ушла за перегородку. Кроме Эдмунда, в буфете дремал только старик с корзиной, и старик был глух, как пень.

— Тааак, — сказал Эдмунд чаю. — Что тут у нас?

Чай был жидкий. Вдова — беднеющая, если судить по гор-

ничной. Племянница с приданым, которое по закону перейдет мужу. Жених, у которого все решено, и процедура для приличия. И человек для процедуры: без вопросов, делает, что скажут, и благодарит.

Такого человека не было на свете. Значит, его надо было сделать.

Считал он сейчас не то, сколько возьмет, — это потом, когда видно, с кого, — а сколько стоит войти.

— Человек без вопросов, — повторил он вполголоса и откусил пирога. — Ну конечно. Всем нужен человек без вопросов. А потом удивляются.

Дело понравилось ему так сильно, что он на минуту забыл про Хейлфорд, про газету, про четыре крестика в списке и про то, что он посыльный. Он сидел в буфете узловой станции, пил плохой чай и был счастлив. Дело еще целиком помещалось у него в голове, от поезда до венчания.

Агент с Герцогского холма задает вопросы, потому что ему есть что терять. Значит, нужен агент, которому терять нечего. Новый. Мелкий. Без имени, которое кто-нибудь мог бы вспомнить, и с конторой, о которой никто не слышал.

Контора. Он уже видел табличку. Что на ней написано, он пока не придумал, но видел латунь, четыре винта по углам и дверь, к которой ее привинтят.

У него было тридцать пять тысяч сто с чем-то крон, неделя, пока госпожа Пеллам гостит у родни, и целый Велмонт, из которого он уехал сегодня утром, потому что не мог при-

думать, куда ехать.

Теперь придумал.

В Велмонт он вернулся затемно, через Южный вокзал, тем же днем, каким уехал.

Город встретил его паром, фонарями на мокрой мостовой и предвыборной суетой: на каждом углу висели афиши, а под афишами стояли люди и читали их вслух друг другу. Общество Порядка обещало стабильность. Союз Обновления обещал очищение. Эдмунд прошел мимо тех и других, не замедляя шага: ни то ни другое ему не продавали.

В комнату над мастерской он не пошел.

Там лежал короб, и Дрейн ни о чем не спросил бы. Но жилец, который утром уехал, а вечером вернулся, вызвал бы у Дрейна вопрос, даже незаданный.

Он взял комнату в Хайгейте, в доходном доме с одним лифтом на всех, за две кроны, под именем, которое забыл, едва назвав, оставил чемодан и пошел обратно, в редакцию «Велмонтских ведомостей».

Читальный зал при редакции ради поверенных держали открытым до девяти. Служитель принес подшивки, ничего не спросил и ушел дремать за конторку.

Некрологи нашлись к восьми. Фамилия Пеллам стояла в «Ведомостях» дважды, с разницей в три года, и оба раза под одинаковым заголовком: «Строитель, которого будет не хватать городу».

Эдвард Пеллам, подрядчик. Фирма «Братья Пеллам, во-

доотводные работы». Умер в двадцать восьмом году, «после долгой болезни», пятидесяти шести лет. Остались вдова и племянница. Фирма «закрыта наследниками в связи с отсутствием продолжателей дела».

Томас Пеллам, инженер, брат. Умер в двадцать пятом, «скоропостижно», сорока трех лет. Осталась дочь.

Водоотводные работы. На первой полосе «Курьера», купленного по дороге на углу, Союз Обновления обещал пересмотреть все водоотводные подряды за двадцать лет.

— Ну конечно, — пробормотал Эдмунд. — Водоотводы. Чего же еще.

Беднеющей вдове подрядчика в этот сезон было чего бояться и помимо горничной. Не его дело. Пока за него никто не заплатил.

Дочь. Отца девочка лишилась в одиннадцать, и шесть лет ее растила тетка.

Он вернулся в Хайгейт и составил список. Вышло три пункта.

Первое: дом. Кто там живет, кто там служит и кому не плачено.

Второе: деньги. Как именно устроено приданое, потому что «четыреста тысяч» в поезде и четыреста тысяч на бумаге — две разные суммы, и разница между ними называется завещанием.

Третье: он сам. Каким он должен быть, чтобы госпожа Пеллам, вернувшись из Лоувика, нашла его сама и решила,

что это была ее идея.

С третьим он справится. Третье он умел.

Первое стоило денег и трех дней.

Второе...

Он посмотрел на список и подчеркнул второе дважды.

Завещание лежало в окружном суде, в архиве, в деле о наследстве. Наследник мог его прочесть по описи. Не наследник мог заплатить писцу: писцы брали за прочтение чужого завещания двести. Эдмунд за свою жизнь платил эти двести трижды, и трижды это были самые удачные его двести крон.

Он лег спать в чужой комнате, под чужим именем, с чемоданом под кроватью и пальто на стуле, — и впервые с Марчфилда уснул сразу.

Утром выяснилось, что писцы перестали брать.

Он пришел в окружной суд к десяти, к открытию архива, нашел за нужной дверью нужного человека — сухого, в нарукавниках, с лицом, на котором двести крон были написаны ясно, как год на вывеске, — и сказал то, что говорил всегда: он поверенный из провинции, у него дело о наследстве, и он был бы признателен за содействие.

Человек в нарукавниках посмотрел на него, потом на дверь.

— Содействие, — повторил он. — Какое именно?

— Самое обычное. Дело Пеллам, наследство покойного Томаса Пеллама, инженера. Мне нужно взглянуть на завещание. Полчаса. Я заплачу за ваше время.

— За мое время платит казна.

— Казна платит мало.

— Казна, — произнес человек в нарукавниках, будто только что выучил это слово и еще не вполне ему доверял, — платит мало. Но казна теперь пересматривает. Вы читаете газеты, сударь? Выборы на носу. Обещают ревизию — начнут с водоотводов, а кончат нами. У нас в четверг был инспектор. Он спрашивал, кто и за что получал содействие. Содействие, сударь, теперь стоит места, а место стоит шесть тысяч в год, и я не отдам его за двести.

— За триста.

— Ни за какие. — Он подвинул к себе журнал и обмакнул перо. — Приходите с доверенностью от наследника, и я выдам вам дело по описи, под расписку, с отметкой в журнале. Без доверенности — всего доброго.

Эдмунд поблагодарил и вышел.

На ступенях суда он остановился, поднял воротник и некоторое время смотрел на площадь, где рабочие снимали с фасада старые предвыборные афиши и вешали новые, точно такие же.

Болван. Отказался от трехсот крон из-за инспектора, который приходил в четверг и больше не придет, — потому что в газетах написали слово «ревизия». Через месяц он снова будет брать. Через месяц Эдмунду это будет не нужно.

— Честный писец, — сказал он вполголоса. — Дожили.

Эдмунд обошел здание суда кругом, медленно, поглядыва-

вая на часы над входом, будто поверенный, которого он ждал, опаздывал.

Он смотрел на окна первого этажа.

Он смотрел на водосточные трубы.

Он смотрел на дверь во двор, на замок на этой двери и на сторожа, который вышел из нее с ведром и пошел к колонке, оставив дверь открытой на те полторы минуты, которые нужны, чтобы набрать воды.

Полторы минуты — это очень много. За полторы минуты в Вентмор-Грейндже он открыл подвальный замок.

Он ничего не стал решать. Просто дошел до угла, запомнил, что архив закрывается в шесть, а сторож ходит за водой в одиннадцать, и обернулся еще раз.

Сторож возвращался с полным ведром. Он втащил ведро через порог, захлопнул за собой дверь, и изнутри дважды повернулся ключ. Эдмунд сосчитал оба оборота по звуку, с угла.

Замок казенного образца. А инспектор приходил в четверг, и если на этой неделе в архиве возьмут человека с проволокой в кармане, никто не станет спрашивать, сколько он предлагал писцу. Спросят, какая из двух партий его прислала.

Ночью сторож за водой не ходит: ночью он спит.

Он пошел искать горничную, которой не плачено.

Глава 2: Архив

Горничную, которой не плачено, искать не пришлось: она сама стояла у черного хода и ждала, не предложит ли кто-нибудь заработать.

Дом номер четырнадцать по Ивовой улице оказался в точности таким, каким Эдмунд его себе представлял, и это его слегка разочаровало. Трехэтажный, песочного камня, с эркером и зимним садом на южной стороне, с медной табличкой «Пеллам» у двери, начищенной до блеска, — прислуге в этом доме явно больше нечем было заняться. Шторы опущены: хозяйка в отъезде. Над крышей ни дыма: пар из магии-страли, топить не надо. Дом стоил своих денег.

Черный ход выходил в переулок, и у черного хода курила девушка в переднике, пряча папиросу в кулак. Хозяйки не было, а привычка осталась.

Эдмунд прошел мимо, вернулся и спросил, не здесь ли живут Хардинги.

Хардинги здесь не жили. Девушка сообщила это с большой готовностью — ей давно не с кем было поговорить, — и через пять минут Эдмунд знал, что ее зовут Бетти, что она в этом доме третий год, что хозяйка уехала к родне в Лоувик «с мисс Тессой и этой своей Летти», что вернутся к среде, через неделю, и что жалованья Бетти не видела с октября.

— Не то чтобы она не платила, — сказала Бетти, глядя

на папиросу. — Она платит. Потом. Говорит: Бетти, вы же знаете, у нас сейчас расходы. А какие расходы, когда дом свой и пар из трубы?

— Свечи, — предположил Эдмунд.

— Свечи она считает. — Бетти оглянулась на дверь. — Каждое утро, вот вам крест. Сколько сгорело, сколько осталось. При паре и газе. Я ей говорю: сударыня, зачем вам свечи, у вас газ. А она: в приличном доме за ужином свечи. И считает.

Это стоило кроны. Эдмунд дал крону, и Бетти посмотрела на нее, как на первые деньги за два месяца, которыми она и была.

За вторую крону он узнал про агентов.

Их было двое, оба с Герцогского холма, оба приходили еще в октябре, оба сидели в гостиной по часу, и обоих хозяйка выпроводила.

— А что они не так сделали?

— Спрашивали. — Бетти пожала плечами. — Я подавала чай, слышала. Первый спросил, кто опекун и где счета. Второй спросил, видела ли мисс Тесса капитана до того, как его назвали женихом. Хозяйка после второго дверью хлопнула. Сказала Летти: мне нужен человек, а не следователь.

— А капитан?

— Капитан Денхолм. — Бетти затянулась. — Красивый. Ходит с октября, по вторникам и пятницам, к обеду. Мисс Тесса на него смотрит, как на картинку. А он на нее... —

Она подумала. — Как на обед смотрит. Вежливо.

Эдмунд дал третью крону и спросил, нельзя ли будет зайти еще, когда хозяйка вернется: он ищет место камердинера.

— Заходите, — разрешила Бетти. — Только не камердинером. У нас мужской прислуги нет, хозяйка говорит: от них один беспорядок.

Он ушел переулком и к концу переулкa уже понимал, каким ему быть. Не следователем. Человеком, которому и в голову не приходит спрашивать про счета и про капитана. Маленьким, новым, голодным до заказа, — таким, какого отряхивают с пальто, не глядя, и который благодарит за то, что его отряхнули.

Таких людей он встречал десятками. Сам он ни разу не был одним из них, и в этом заключалась единственная трудность.

Остаток дня он провел, покупая время.

Хозяйке в Хайгейте он заплатил за неделю вперед. В лавке подержанного платья на Дубильной купил пальто — темное, с воротником до ушей, за одиннадцать крон, и ботинки с мягкой подошвой за четыре. В скобяной лавке — моток тонкой стальной проволоки, какую берут для птичьих клеток, и напильник. Напильник ему был не нужен, но покупатель проволоки без напильника запомнился бы скобянщику: такой знает, зачем ему проволока.

Жестяной футляр из-под сургуча он носил с собой с Вентмор-Грейнджа: две распрямленные проволоки, булавка, чай-

ная ложка с телеграфа, завернутая во фланель, чтобы не звенела, и лупа Августы. Он открыл его и некоторое время смотрел на ложку. Ложка была ни при чем. Он взял ее тогда для дела и оставил после: выбрасывать вещь, которая один раз пригодилась, глупо, а возвращать некому.

Потом согнул из новой проволоки то, что нужно было согнуть, — две отмычки под обычный замок казенного образца. Казна покупает оптом и покупает одно и то же. Три раза попробовал на замке собственной двери. Дверь открылась за минуту сорок, за минуту двадцать и за минуту.

— Минута, — сказал он двери. — Позор. Десять лет назад — сорок секунд.

Он посмотрел на свои руки, как на инструмент, который хранили в сырости, и убрал отмычки.

В пять утра он встал, оделся в темное, положил футляр во внутренний карман, проверил, не звенит ли, и вышел.

Архив окружного суда занимал первый этаж и подвал заднего крыла, выходящего во двор. Окна подвала были забраны решетками, окна первого этажа — нет: там лежало то, что никто не читает, — дела о наследствах за двадцать лет, по алфавиту, в коленкорových папках.

Двор был заперт. Он и вчера утром был заперт, пока сторож не вышел с ведром.

Эдмунд постоял в переулке напротив минут десять, слушая. В здании горел один огонь — в камерке сторожа, в торце заднего крыла, — и оттуда, когда ветер поворачивал, до-

носились похрапывание.

Ворота он не трогал. Ворота — это звук. Он прошел вдоль ограды до места, где к ней прислонялась соседняя лавка, встал на тумбу, подтянулся и через полминуты был во дворе, на мокрых плитах, в полной темноте, которая его совершенно устраивала.

Дверь в заднее крыло была та самая, через которую утром выходил сторож. Замок на ней оказался именно такой, какой он и предполагал.

Минута десять.

Войдя, он запер дверь за собой той же проволокой, изнутри, на два оборота, как запирал сторож: если сторож пойдет этой дверью, он должен найти ее такой, какой оставил.

За дверью был коридор, пахнувший пылью и чернилами. Он шел по нему, не зажигая света, одной рукой касаясь стены, и считал двери. Утром он сосчитал окна: архив занимал четыре окна слева от входа во двор, значит, вторая или третья дверь по левой руке. Вторая была заперта, и замок на ней стоял не казенный — хороший, конторский, с двойным поворотом. Кабинет человека в нарукавниках. Эдмунд обошел его с уважением. Третья открылась от руки.

Он вошел, прикрыл дверь и только тогда достал свечу.

Свечу он держал под ладонью: так ее не видно из окна, а на вытянутую руку видно все — стеллажи до потолка, корешки с буквами. «П» оказалось у дальней стены, под окном, и на поиски ушло четверть часа.

— Ну-ка, — шепнул он. — Пеллам. Где ты у нас, Пеллам.

Две папки, рядом, как и два некролога. Одна толстая: «Пеллам Эдвард, 1128, вдове». Другая тоньше, и на ней стояло то, что ему было нужно: «Пеллам Томас, 1125, дочери, опека».

Он снял ее, положил на подоконник, поставил свечу так, чтобы ее закрывал его собственный корпус, и открыл.

Завещание было написано человеком, который не доверял своей невестке и не хотел писать об этом прямо.

Эдмунд понял это с третьей страницы. На первых двух шло то, что идет всегда: имя, здравый ум, душеприказчик, приход. На третьей начинались деньги, и с деньгами Томас Пеллам, инженер, обращался, как с водой у себя на подрядах: разводил по разным трубам, чтобы одна авария не оставила дом сухим.

Дом на Ивовой улице — дочери, Терезе Пеллам, в полную собственность по совершеннолетию; до совершеннолетия — в управлении опекуна с правом проживания.

Опекун — брат, Эдвард Пеллам, а в случае его смерти — его жена, Гонория Пеллам, «как ближайшая родственница, проживающая в столице». Опека до восемнадцати лет или до замужества, что наступит раньше. Эдвард пережил брата на три года, и опека перешла к Гонории.

Содержание дочери — с отдельного счета в банке Лафтонов, тридцать тысяч крон в год, «выплачиваемых опекуну на нужды дочери, пока она не встанет на ноги», с перечнем

нужд на полстраницы. Инженер Пеллам хорошо представлял себе, на что тетка может потратить деньги племянницы, и перечислил все, на что нельзя.

Эдмунд задержался на этой строке. Тридцать тысяч в год — и горничной не плачено с октября.

Куда?

И приданое.

Четыреста тысяч крон, помещенные в тот же банк «особым вкладом», который банк выдает...

Эдмунд наклонился ближе: здесь почерк писца делался мельче, как будто и писцу стало неловко.

...выдает не опекуну и не самой дочери, а «по предъявлении брачного договора, заверенного опекуном и засвидетельствованного по форме, на условиях означенного договора». До того вклад не трогать никому. После того — как в договоре написано. Обыкновенно в договоре пишут: мужу, в день венчания. Но инженер Пеллам не написал «мужу». Он написал «на условиях договора», и Эдмунд перечитал эти три слова столько раз, что свеча успела дать нагар.

— На условиях договора, — повторил он одними губами.
— Ах ты ж умница.

Договор пишет не банк и не опекун. Договор составляет тот, кто ведет брачное дело, — поверенный семьи или, если семья экономит на поверенных, брачный агент, — а опекун только заверяет. И что в этом договоре будет написано про четыреста тысяч, то банк и сделает.

Не болван. Инженер был умный человек и защитил дочь от невестки с трех сторон: дом нельзя продать до восемнадцати, содержание нельзя потратить не на дочь, приданое нельзя взять без брака. Не защитил он ее только от одного: от человека, который напишет договор.

Внутри у него что-то медленно и приятно укладывалось на место, как хорошо притертая оправа в гнездо.

Ему не нужно было становиться женихом. Ему не нужно было красть. Ему нужно было написать один документ, который все подпишут добровольно, и вписать в него одну строку.

Хранитель.

Как будет звучать эта строка, он пока не придумал. Ясно было одно: до венчания деньги должны лежать не в банке и не у мужа, а у кого-то третьего, надежного, с патентом в рамке и вывеской у двери.

Он переписал то, что нужно, на листок — не все, только суммы, сроки и три слова, — подождал, пока высохнут чернила, и закрыл папку.

Потом поставил ее на место. Корешком наружу, как стояла. Человек в нарукавниках не заметит, что папку брали, но заметит, если она встанет криво: у него и перо на столе лежало параллельно краю журнала.

Задул свечу. Подождал, пока глаза привыкнут. И услышал, как в коридоре открылась дверь.

Сторож ходил за водой в одиннадцать утра. Что он ходит

за водой и в половине седьмого, Эдмунд выяснить не мог: для этого пришлось бы сидеть в переулке напротив суда в половине седьмого утра.

Шаги шли по коридору. Медленные, шаркающие: у сторожа болели колени. В руке, судя по звуку, было пустое ведро. Он шел к колонке во дворе, а дверь во двор была в конце коридора, за архивом, и до нее оставалось три двери.

Эдмунд стоял за стеллажом и не дышал.

Шаги прошли мимо.

Дверь во двор отворилась, впустила струю холодного воздуха и захлопнулась.

Полторы минуты, чтобы набрать ведро, а потом сторож пойдет обратно и запрет дверь во двор изнутри: это Эдмунд видел вчера.

Можно было дожидаться, когда сторож вернется и уснет, — час, может быть, два. Но к тому времени рассветет, и через ограду на глазах у соседней лавки уже не перелезешь.

Можно было выйти сейчас. Сейчас сторож стоит у колонки, спиной к крылу, и качает воду, и вода шумит.

Эдмунд вышел.

Коридор он прошел за двенадцать шагов. Дверь во двор была прикрыта, но не заперта: сторож запирает, когда возвращается. Эдмунд открыл ее на ширину плеча, выскользнул, прикрыл за собой, как оставил сторож, и прижался спиной к стене крыла, в тени, в трех шагах от человека с ведром.

Колонка скрипела. Человек с ведром стоял к нему спиной,

качал и негромко, без слов, напевал.

Эдмунд пошел вдоль стены. Не быстро: колонка скрипела и булькала, и шаг сам ложился под ее скрип. Он шел, как шел бы истопник, которому здесь положено ходить, — и дошел до угла, и завернул за угол, и только там побежал, потому что за углом его уже не было видно.

Через ограду он перелез в том же месте. Тумба, подтянуться, перевалиться. Ботинки с мягкой подошвой не издали ни звука.

В переулке он остановился, поднял воротник и впервые за полчаса вдохнул полной грудью.

— Половина седьмого, — сказал он вслух, сердито и с облегчением. — Кто ходит за водой в половине седьмого? Кому нужна вода в половине седьмого?

Переулок не ответил.

Часы над входом в суд показывали шесть сорок две. В архиве он пробыл час и десять минут, и из них час пять провел так, как любил больше всего на свете: один, в темноте, с делом в руках, и никто ничего не знал.

Он пошел прочь от суда, в сторону Хайгейта, по пустым улицам, где были только разносчики газет и молочники, и всю дорогу у него внутри сидело то самое спокойное, теплое, нехорошее чувство, которому он так и не подобрал названия.

Три слова. На условиях договора.

Четыреста тысяч, разложенных умным человеком по трем трубам. И одна строка, которую умный человек оставил от-

крытой.

Человека, который напишет этот договор, еще не было на свете.

Как его будут звать, Эдмунд пока не знал. К вечеру надо было придумать. В среду госпожа Пеллам вернется из Ловуика, и к этому дню у человека без имени должны быть контора, патент, табличка на двери и книга записей за девять честных лет. Семь дней на то, чтобы сделать человека, которому она сама отдаст перо.

Под первым же фонарем он достал листок с тремя словами и на обороте написал карандашом еще два:

«Литер. Одиннадцать».

Глава 3: Одиннадцать детей

Бумажный ряд не был рядом и не был бумажным. Три лавки в глубине Дубилен, между красильней и складом конопля, и во всех трех торговали чем угодно, кроме того, что было написано на вывесках. На средней значилось «Переплетные работы». Переплетных работ там не делали лет двадцать.

Эдмунд пришел к одиннадцати, когда в Дубильнях уже отшумело утро и еще не началось то, что здесь называли днем. Шел он с конвертом в кармане — не покупать, а советовать-ся. К Отцу Литеру иначе не ходили.

Отец Литер сидел за прилавком, как сидел, по общему мнению, всегда: маленький, сухой, в круглых очках и зеленом козырьке, какие носят граверы, и с руками, которые не могли лежать спокойно и все время что-то разглаживали на прилавке, даже когда на прилавке ничего не было. Тридцать лет назад он резал штемпели для казначейства. Потом казначейство решило, что штемпели можно резать машиной, и Отец Литер ушел в Дубильни вместе со своим мнением о машинах.

— Бумага? — спросил он, не здороваясь, когда Эдмунд положил конверт. — Или подпись?

— Бумага. Две конторы.

— Какие?

— Брачное посредничество. И хранение ценностей.

Отец Литер поднял лупу на лоб, посмотрел на Эдмунда поверх очков и некоторое время молчал. Заказ ему не нравился. Не трудный — скучный.

— Для брачного — бланки, конверты, книга записей. Для хранения — бланки, расписки, книга и печать. Печать — отдельно, и печать я не делаю, печать у Нэша через дорогу. Патенты?

— Патенты я возьму в Бюро. Настоящие.

— Правильно, — одобрил Литер. — Настоящий патент стоит пошлину и сто часов спокойного сна. Поддельный стоит десять и ни одного. Люди этого не понимают.

Он полез под прилавок и достал стопку.

— Вот это. — Он положил перед Эдмундом лист. — Бланк конторы. Смотрите на просвет.

Эдмунд посмотрел. Водяной знак, тонкий, волнистый, с инициалами фабрики.

— Настоящий бланк, с настоящей фабрики в Марчленде, из настоящей партии, которую фабрика списала за кривую обрезку. Кривую обрезку я поправил. Бумага шуршит. — Он провел по листу пальцем, и лист действительно шуршал, сухо и солидно, как шуршит казна. — А вот это...

Второй лист лег рядом.

— ...то, что вам продадут у Нэша за полцены. Смотрите на просвет.

Эдмунд посмотрел. Знак был. Он был даже лучше перво-

го: ровнее.

— Слишком ровный, — сказал Эдмунд.

— Слишком ровный! — Литер обрадовался, как учитель, у которого ответил последний ученик в классе. — Знак рисуют. А настоящий знак не рисуют, он получается. Это не бланк, это недоразумение. Человек, который не отличит одного от другого, проживет долго. Человек, который отличит, работает в Палате граждан. Вам какой?

— Первый.

— Сорок листов на каждую контору, конверты, две книги в коленкоре с нумерованными страницами, тридцать расписок для хранения. Триста крон.

Дорого. Как раз столько, сколько он собирался заплатить. С Литером не торговались, с Литером соглашались.

Литер завернул все в серую бумагу и перевязал шпагатом.

— Имена есть?

— Будут к вечеру.

— Тогда книги не надписываю. Надпишете сами, одним почерком, и не торопитесь. Книга записей — лицо конторы. Люди смотрят в книгу раньше, чем на человека.

Эдмунд взял сверток и кивнул.

— Отец Литер. Если кто-нибудь будет спрашивать, кто покупал бланки на этой неделе...

— Никто не покупал, — спокойно ответил Литер. — У меня переплетная мастерская. Я переплетаю.

Он уже снова разглаживал что-то на пустом прилавке.

Имена он выбрал в трамвае, на коротком перегоне от Бумажного ряда до Дубильной.

Это он всегда делал быстро и всегда по одной мерке: чтобы кондуктор записал, не переспросив, а через час не вспомнил. Для хранителя — две фамилии через «и»: одна фамилия — это человек, а две — это фирма, и фирме доверяют больше.

Мартин Эш.

Он попробовал имя на зуб, как монету.

Эш.

Коротко, прилично, незаметно. Дамы будут говорить «господин Эш» с легкой снисходительностью, как о портном, а мужчины не запомнят вовсе.

Лэнгли и Пирс.

Двое солидных людей, которых никто никогда не увидит: господин Лэнгли живет в Марчленде, а господин Пирс стар и болен. Контору ведет управляющий, управляющий в отъезде, за конторкой сидит клерк.

Клерка у него пока не было. Клерк подождет до четырех: в четыре на Южном вокзале кончается дневная разгрузка.

Патенты Эдмунд взял после обеда, в Бюро, на Герцогском холме.

На патент брачного агента требовались: имя, адрес конторы, два поручителя из домовладельцев, двадцать крон пошлины и отсутствие судимости по гражданскому листу или по следам. Листа у него не было. Следы у него были: три

квитанции об уплате за комнату на имя, которое он выбрал, — две старые, одна новая. Все это он купил на Дубильной, у пивной, за восемьсот крон у Хобба, который продавал настоящие квитанции настоящих домовладельцев на людей, когда-то снимавших у них комнаты и потом умерших или уехавших. Поручителей Хобб нашел еще за четыреста. Поручители были настоящие и не помнили, за кого ручаются.

Деньги Хобб пересчитал, не вынимая рук из карманов, — как, Эдмунд так и не понял, — и сказал, глядя на улицу:

— Ходовой нынче товар. На днях один спрашивал, кто у меня берет.

— И кто берет?

— А он не заплатил, я и не сказал. — Хобб пожал плечами. — Вежливый такой. С книжечкой, в клеенке.

Эдмунд положил сверху еще десять крон. Хобб взял и их, тоже не глядя. Десять крон за молчание были у Хобба ценой, а не обещанием. Неприятнее было другое: по Дубильной ходил вежливый человек с книжечкой и спрашивал не товар, а покупателей.

На патент хранителя ценностей требовалось то же плюс пятьдесят крон пошлины и подпись в журнале о том, что заявитель предупрежден об ответственности. Эдмунд подписался и был предупрежден.

Обычно Бюро выдает патент на третий день, а то и через неделю. Эдмунд получил оба к трем часам: Хобб продал ему еще и знакомство — младшего делопроизводителя, который

провел бумаги в один день и не спросил зачем. Клерк у окошка не поднял головы ни разу: ставил штемпель, писал номер и говорил «следующий», а за стеной гудели счетные машины. Эдмунд вышел на улицу с двумя настоящими казенными бумагами на двух людей, которых еще утром не было на свете.

— Хорошая страна, — сказал он себе под нос на ступенях Бюро. — Удобная.

Уолли Бриггса он нашел у Южного вокзала, среди носильщиков, которые курили вдоль стены и ждали вечернего. Уолли стоял с краю. Большой, спокойный, лет сорока пяти, с лицом, которое никогда ничему не удивлялось, и с руками, которые привыкли носить и не привыкли подписывать. Эдмунд выбрал его за лицо.

— Работа, — сообщил он, подходя. — Месяц. Может, два. Тысяча крон.

Уолли посмотрел на него, потом на свои руки, потом снова на него.

— Тысяча, — повторил он.

— Тысяча. Половина сейчас, половина в конце.

— Что носить?

— Ничего. Сидеть.

Уолли подумал.

— Где?

— В конторе. За конторкой. В хорошем сюртуке, который я вам куплю. С девяти до шести. Принимать бумаги, которые

принесут, записывать в книгу то, что я скажу записывать, и выдавать то, что я скажу выдавать. На вопросы отвечать одно: господин управляющий в отъезде. Все.

— А если спросят что-нибудь еще?

— Господин управляющий в отъезде.

— А если я чего не пойму?

— Вам не нужно понимать. Вам нужно сидеть и говорить, что господин управляющий в отъезде. Это самая честная работа в Велмонте, Бриггс. Вы ничего не знаете, значит, ничего не можете сделать неправильно.

Уолли подумал еще. Думал он медленно, и Эдмунду это понравилось: соображать за конторкой Уолли было не нужно.

— Сюртук мне?

— Вам. Останется вам.

— А называть меня как?

— Господин Бриггс.

Уолли выпрямился. Не сразу, а постепенно: его тридцать лет звали Уолли и ни разу — господином. Эдмунд понял, что получил за тысячу крон больше, чем рассчитывал: такое лицо за конторкой не купишь, потому что оно не от денег.

— Договорились, — произнес господин Бриггс.

Контору для Эша он снял в Хайгейте, в двух улицах от своей комнаты, во втором этаже дома, где внизу была аптека, а наверху жили две учительницы и отставной капельмейстер. Две комнаты, окно на улицу, за месяц вперед — восемьдесят

крон. Контору для Лэнгли и Пирса — в Кэндлвике, на Тихой улице за страховыми конторами, в первом этаже, с отдельным входом и толстой дверью: там брали сто двадцать, и за эти деньги дверь выглядела так, будто за ней что-то хранят.

Мебель он взял в прокат. Конторку, два кресла, шкаф с замком, часы. Табличку заказал у гравера в Соляном ряду — не у Дрейна, у другого, через три дома. Заказов у гравера было на две недели вперед, и Эдмунд доплатил, чтобы табличка была к понедельнику.

Вечером он сидел в конторе Мартина Эша при газе, с двумя книгами в коленкоре, и писал.

Книга записей брачного агента Мартина Эша начиналась с двадцать второго года и содержала одиннадцать дел. Он писал их одно за другим, синими чернилами из пузырька, купленного у Литера, без помарок, и каждое дело вышло коротким, сухим и скучным, как настоящая работа.

«Дело 7. Вдова С., Дьюпорт, Нижний порт. Партия — ее собственный управляющий, по ее желанию и к общему удивлению. Претендентов двое, оба отклонены. Исход — венчание. Гонорар — 400».

«Дело 9. Семья Г., Дьюпорт. Неудача. Гонорар возвращен».

Это дело он писал с особенной тщательностью. У Мартина Эша должна быть неудача, иначе какой же он честный. Невеста передумала накануне, семья была огорчена, и господин Эш счел невозможным удерживать гонорар при таком исхо-

де. Он перечитал и остался доволен: ложь вышла настолько порядочная, что он сам почти в нее поверил.

А потом он написал дело первое.

В книге оно стояло последним, потому что он долго его обдумывал, а по дате — первым, август двадцать второго, — и было главным.

«Дело 1. Семьи Д. и М., Дьюпорт. Непримируемая вражда семей, тридцать лет тяжбы о меже. Партия — младшая дочь Д. и средний сын М. Переговоры — восемь месяцев. Исход — венчание, апрель двадцать третьего. Отцы сидели в разных концах стола. Первенец назван в честь обоих дедов, во избежание. Гонорар — 600».

И ниже, мельче, с другой датой, как пишут приписки спустя годы:

«Осведомился о семье. Внуков у стариков на двоих — десять».

И еще ниже, совсем мелко:

«Одиннадцать».

Он отложил перо и посмотрел на это слово.

— Одиннадцать, — сказал он вслух и откинулся на стуле. — Вот. Вот так.

Десять — это легенда. Одиннадцать — это человек, который сам удивляется, что внуков там уже одиннадцать, и расскажет об этом госпоже Пеллам между делом, с усталой улыбкой, не называя имен: «семьи не любят, когда о них говорят».

Это стоило целого вечера.

Благодарственные письма — четыре, разными почерками, на разной бумаге, одно даже с пятном от чашки — он написал за час. Потом надписал вторую книгу, для Лэнгли и Пирса. Там дел не требовалось, там нужна была солидность, и он выписал на первой странице устав конторы, список услуг и тарифы. Вышло так скучно, что Эдмунд сам зевнул на второй строке и остался доволен: дальше второй строки такой устав не прочтет ни один проверяющий.

В полночь он отложил перо и подвел счет.

Писцу в суде — ничего. Бетти — три. Следы с поручителями — тысяча двести. Патенты вместе с благодарностью делопроизводителю — тысяча. Конторы — двести, мебель — триста, бланки — триста, табличка — сорок. Бриггсу — пятьсот сейчас и восемьдесят на сюртук. Свое платье агента, не новое, хорошее, с чуть вытертыми локтями, — восемьсот. Трамвай, извозчики, портниха, о которой разговор отдельный...

Около пяти тысяч. И это еще до того, как госпожа Пеллам вернется из Лоувика. До первой кроны с нее. До первого «господин Эш».

— Пять тысяч, — сказал он вслух. — Спокойно. Считаем еще раз.

Посчитал еще раз. Вышло столько же. За пять тысяч в Велмонте можно год жить в Хайгейте, не вставая с кресла. А он за пять тысяч купил себе две таблички, которых еще нет,

и человека, который будет говорить одну фразу.

Потом он посмотрел на книгу, где в самом низу, мелко, стояло «Одиннадцать», и настроение у него выправилось.

Контора Мартина Эша существовала с сегодняшнего вечера. Бумага на нее была настоящая.

Он закрыл книгу, запер ее в шкаф, выключил газ и пошел домой, и на темной лестнице, под дверями учительниц и капельмейстера, поймал себя на том, что идет мягко и бесшумно, как ходил ночью в суде, и заставил себя ступать громче.

Мартин Эш не крадется. Мартин Эш — честный человек с патентом.

Это надо было выучить к понедельнику. В понедельник у Мартина Эша будет табличка, а в среду вернется госпожа Пеллам, которая двух агентов с Герцогского холма выставила за один лишний вопрос.

Внизу, у аптеки, он постоял под фонарем. Вязовая была пуста: книжный автомат на углу, мокрая мостовая, извозчик, спящий на козлах. Эдмунд все-таки дождался, пока извозчик повернется во сне и снова захрапит, и только тогда пошел.

Вежливый, сказал Хобб. С книжечкой. Спрашивал, кто у него берет.

Эдмунд взял три квитанции, и все три лежали теперь наверху, в запертом шкафу, подшитые к патенту Мартина Эша.

Глава 4: Мелкий, новый, голодный

На то, чтобы о нем пошел слух, он отвел триста крон и три дня. Три дня у него были.

Портниху звали мадам Орели, и она была не заграничная и не мадам, а вдова скорняка из Заречья, которая двадцать лет назад открыла мастерскую в Сент-Олдвине и с тех пор одевала весь квартал. Главное в мадам Орели было не то, что она шила, а то, что она слушала. Все дамы Ивовой, Липовой и Ясеновой улиц раз в месяц стояли у нее на табурете с поднятыми руками и за эти полчаса рассказывали больше, чем духовнику за год.

Эдмунд пришел к ней во вторник как брачный агент, с визитной карточкой и с заказом на жилет.

Жилет ему был не нужен. Нужны были полчаса, и он их получил: мадам Орели снимала мерку медленно, а слушала еще медленнее. Он рассказал ей, что открыл контору в Хай-гейте, что он из Дьюпорта, что в Дьюпорте дела шли неплохо, но столица есть столица, и что берет он скромно. Он только помогает, и помогает тихо.

— Тихо, — повторила мадам Орели с булавками во рту.

— Тихо. Семьи не любят вопросов. Я задаю их столько, сколько нужно, чтобы не ошибиться с размером. Как вы.

Это ей понравилось. Он видел, что понравилось: она вынула булавки.

— А то ходят тут, — сказала она, — с Герцогского холма. Два часа сидят, в книги смотрят, в кухню заглядывают. Одна моя дама так и сказала: мне агент нужен, а не ревизор.

— Ваша дама совершенно права. Я, знаете, в Дьюпорте видел, как такой вот дотошный господин полез к невестинной матушке в расходную книгу. Так свадьбы не было, а матушка с тех пор ни с кем из нашего брата не разговаривает. И правильно делает.

— Она у меня на четверг записана, с утра, — сообщила мадам Орели, и Эдмунд понял, что триста крон потрачены не зря. — В среду вернется из Лоувика, в четверг придет. Хочет к приему платье перешивать. Я скажу.

— Только не от меня, — попросил Эдмунд. — Я не люблю, когда обо мне говорят.

— А кто любит, — согласилась мадам Орели и записала его на примерку.

Бетти он нашел в переулке в тот же вечер и дал ей две кроны и визитную карточку, чтобы она «оставила на столике в прихожей, где хозяйка разбирает почту, и ничего не говорила».

— А если спросит?

— Скажите, что приходил господин, спрашивал, не нужна ли в доме прислуга, оставил карточку и ушел. Это даже правда.

Бетти посмотрела на карточку. «Контора М. Эша. Браки по расчету и по сердцу. Хайгейт, Вязовая, 7, второй этаж».

— По сердцу, — прочла она. — Это как?

— Это для вывески.

Табличку привезли еще в понедельник. Он сам прикрутил ее к двери четырьмя винтами и постоял перед ней на лестнице, как перед зеркалом.

«Контора М. Эша. Браки по расчету и по сердцу».

Латунь блестела, как блестит латунь, которую повесили вчера, и человек, умеющий смотреть, заметил бы это первым делом. Но госпожа Пеллам умела считать свечи, а свечи и латунь — это разное.

Гонория Пеллам прислала за ним в четверг, в пятом часу, записку без обращения и без подписи: «Госпожа Пеллам просит господина Эша быть у нее завтра в одиннадцать по делу, о котором ему, вероятно, уже известно». Почерк тот же, что на бирке. Старательный.

Эдмунд задержался на «вероятно». Она не спрашивала, известно ли ему, — она сообщала. Его наняли раньше, чем увидели, и теперь только проверяли, правильно ли наняли.

Он пришел в пятницу без пяти одиннадцать, в сером, с чуть вытертыми локтями, с книгой записей под мышкой и с лицом Мартина Эша, которое он утром полчаса собирал перед зеркалом: чуть опущенные плечи, чуть торопливый шаг, взгляд, который слишком быстро соглашается. Человек, которому нужен заказ.

Бетти открыла. Узнала она его сразу — по переулку, по кронам, по камердинеру, которого в этом доме не держат, —

и посмотрела так, что он прочел, как с листа: «Я вас не знаю, сэр».

Это было первое, что ему понравилось в этом доме. Молчание Бетти стоило денег, и она дала понять, что счет открыт.

Гостиная была хороша и немного устала: мебель хорошая, обивка подновлена не везде, ковер лежит так, чтобы потерянное место ушло под кресло, на каминной полке часы, которые стоят дороже всей мебели, и свечи в канделябрах, новые, явно пересчитанные.

Гонория Пеллам сидела в кресле у окна и не встала.

Ей было за пятьдесят. Столько Эдмунд и дал ее голосу: прямая спина, серое платье хорошего покроя, перелицованное так, что заметил бы только портной, и лицо, в котором не было ничего, кроме распоряжений. Он поклонился ей чуть ниже, чем следовало, и тут же выпрямился, будто спохватился.

— Господин Эш.

— Госпожа. Чрезвычайно польщен. Я, признаться, не ожидал так скоро, у меня и табличка-то...

— Садитесь. Нет, туда. — Она указала на стул, не на кресло. — Мне рекомендовали вас как человека, который работает тихо.

Мартин Эш сел на стул, поставил книгу на колени и положил на нее обе ладони.

— Тихо, госпожа, — это единственный способ, какой я

знаю. Брак ведь как тесто: начнешь его мять при соседях, оно и не поднимется. Я всегда говорю семьям: мое дело — чтобы обо мне забыли до свадьбы и вспомнили на крестинах. И то не все вспоминают, — добавил он с улыбкой. — Я не в обиде.

— Вы из Дьюпорта. По выговору не скажешь.

— Родом оттуда, госпожа, да увезли мальчишкой, и выговор там остался. А вернулся уже с патентом: девять лет, госпожа, и, смею сказать, не самых пустых. У меня было там одно дело, самое первое, — до сих пор считаю его лучшим, хотя гонорар был, между нами, смешной. Две семьи. Тридцать лет судились из-за межи. Тридцать лет, госпожа! Отцы друг другу на улице не кланялись, матери в разные церкви ходили, а дети, понятное дело, росли и поглядывали через эту самую межу. Младшая дочь с одной стороны, средний сын с другой. Восемь месяцев я ходил из дома в дом. Восемь месяцев пил там чай и слушал про межу. Про межу я теперь знаю больше любого землемера.

Гонория не перебивала, сложив руки на подлокотнике.

— И обвенчали, — продолжал Мартин Эш с удовольствием, — в апреле. Отцы сидели в разных концах стола, но сидели. А первенца назвали в честь обоих дедов разом, чтобы никому не было обидно. Во избежание, как говорится. Я потом осведомлялся о семье, мне, знаете, всегда интересно, как оно дальше. Внуков у стариков теперь десять на двоих. — Он запнулся, смутился и тут же просиял. — Одиннадцать. Одиннадцать, простите. Все время сбиваюсь, они там быст-

ро. А между, между прочим, так и не поделили: внуки-то общие, делить стало незачем. Или вот была у меня одна вдова, почтенная дама, так она, вообразите, к общему удивлению...

— Довольно, — сказала Гонория.

Мартин Эш закрыл рот.

Гонория разжала пальцы на подлокотнике и снова сложила их, удобнее. Теперь она смотрела на него без интереса и с одобрением, как на зонт, который сама выбрала и не прогадала: пока болтун рассказывает о чужих семьях, ему некогда спрашивать о ее семье.

— Вы много говорите, господин Эш.

— Простите, госпожа. Привычка ремесла. В Дьюпорте без разговора...

— Это неплохо. Говорить будете с претендентами. Со мной — слушать. — Она посмотрела на книгу у него на коленях. — Это ваши дела?

— Это моя книга. Если желаете...

— Не желаю. — Она не взяла. — Мне не нужны ваши дела. Мне нужно мое. Слушайте внимательно. Я не люблю повторять.

Мартин Эш слушал, чуть приоткрыв рот, а внутри у него, там, где Мартин Эш кончался, Эдмунд Фарроу сидел с карандашом и записывал.

— У меня племянница. Тереза, дочь покойного брата моего мужа. Ей семнадцать, весной восемнадцать. Я ее опекуна и воспитываю шесть лет. Воспитала прилично. Пора вы-

давать. — Сказано было так, будто речь шла о побелке потолков. — Жених есть. Капитан Денхолм, отставной, из хорошей семьи. Бывает у нас с осени. Он предпочтителен. Вы понимаете это слово?

— Как нельзя лучше, госпожа. В нашем деле это самое...

— Хорошо. Но Тесса юна. Она... — Гонория сделала паузу, и пауза была коротка, а слово после нее — старательно. — Глупенькая. Читает романы и думает, что жених должен быть как в романе. Ей нужно показать, что выбор был. Что приходили люди, что их смотрели, что их отклонили и что капитан — лучшее из возможного. Это для нее. И для людей: чтобы никто не говорил, будто девочку выдали за первого встречного. Следите?

— Слежу, госпожа. Глаз не свожу.

— Мне нужны два претендента. Приличных, чтобы не стыдно было пустить в гостиную. И негодных, чтобы отпали сами и быстро. К февралю, не больше. Второго февраля у меня прием, на нем помолвка. Вы составляете договор, я заверяю, объявляем. — Она посмотрела на него. — За каждого претендента, который пришел и ушел, — тысяча. После помолвки — пять. Итого семь. Устраивает?

Семь тысяч.

Эдмунд Фарроу внутри Мартина Эша положил карандаш.

Семь тысяч крон за четыреста. Меньше двух процентов. За такие проценты в Велмонте не берутся сводить кошку с котом.

Оскорбительная мелочь. Он взял бы ее и так: Мартин Эш, отказавшись от денег, которые лежат на столе, вызвал бы вопрос, почему.

— Устраивает, госпожа. — Мартин Эш даже привстал со стула и тут же сел обратно. — Более чем. Скажу вам откровенно: в Дьюпорте за такое дело...

— Первая тысяча — когда приведете первого. Вопросы?

— Один, госпожа. — Он собрался и заговорил короче. — Претенденты. Вам нужны люди, которые отпадут. Но они должны прийти всерьез, иначе мисс Тереза заметит. Барышники, знаете, всегда замечают, когда жених пришел понарошку, это у них в крови. Значит, я должен представить им дело как настоящее.

— Представляйте.

— И они будут рассчитывать на приданое.

— Пусть рассчитывают. — Она чуть пожала плечами. — Приданое есть. Четыреста тысяч, от отца. Все в банке. Говорить им об этом не нужно. Кто захочет, тот узнает сам.

— Разумеется, госпожа. О деньгах я с женихами никогда первым не заговариваю. Жених, которому первым сказали про деньги, уже не жених, а покупатель, а с покупателем, знаете, совсем другой разговор...

Гонория посмотрела на него, и он умолк.

Больше он ни о чем не спросил: ни про счета, ни про опеку, ни про то, где капитан бывал до октября. Он сидел на стуле, а не в кресле, новый, мелкий, болтливый и нелюбо-

пытный, — именно тот, кого она хотела. Пальцы на подлокотнике разжались совсем.

— Тесса, — сказала Гонория, не поворачивая головы. — Войди. Познакомься с господином Эшем.

Тесса, по-видимому, стояла за дверью с самого начала, и это было второе, что ему понравилось в этом доме: в нем подслушивали.

Терезе Пеллам было семнадцать лет, и ничего важнее о ней пока сказать было нельзя. Светлая, тонкая, с глазами, которые еще не научились ничего скрывать и, судя по всему, не собирались. В руках она держала тонкую книжку в бумажной обложке, прижав ее к груди, корешком к себе.

— Тесса, это господин Эш. Он поможет нам все устроить.

— Господин Эш. — Она присела. — Тетя говорит, вы из Дьюпорта. Это правда, что там зимой не бывает снега?

— Почти не бывает, мисс Пеллам. Зато бывает туман с моря, такой густой, что жених однажды пришел свататься не в тот дом. Но там все уладилось.

— Правда? — Глаза у нее сделались круглые. — А вы сводили людей в Дьюпорте? Многих?

— Одиннадцать дел, мисс Пеллам. Не так много, зато каждое помню.

— И они были счастливы?

Эдмунд посмотрел на нее.

Все, что у Мартина Эша было наготове — межа, туман, одиннадцать внуков, — для этого вопроса не годилось. Он

ответил коротко:

— Я надеюсь, мисс Пеллам.

— Я уверена. — Она прижала книжку сильнее. — Потому что если люди сходятся, то это не случайно. Шевалье говорит: случайностей не бывает, бывают встречи, которых мы не заслужили.

— Шевалье? — Эдмунд завис.

— Де Валькур. Вы не читали? — Она подняла книжку. На обложке была маска, роза и крупно, золотом: «Тайна сапфировой шкатулки, или Сердце, которое не лгало». — Это первый том. Их уже шесть. Я могу дать вам, если хотите.

— Тесса.

— Я только...

— Господин Эш пришел по делу, — сказала Гонория.

Тесса опустила книжку и посмотрела на Эдмунда виновато: хорошее предложила, а не дали. Потом улыбнулась тетке — совсем просто, как улыбаются матери, без капли подозрения. Эту улыбку он тоже взял на заметку.

Глупенькая, сказала Гонория. Старательно.

Эдмунд поклонился обеим и вышел. В дверях он задержался на секунду, чтобы надеть перчатки, и услышал из гостиной:

— Он мне понравился, тетя. У него грустные глаза.

— У него нет глаз, Тесса. У него есть контора.

Бетти подала ему шляпу и, глядя в сторону, сказала вполголоса:

— Хозяйка ждет господина Эша к обеду. Сегодня.

— Благодарю, Бетти.

Глаза у нее снова сказали «я вас не знаю, сэр», и на этот раз к ним прибавилось: «но знаю, сколько это стоит».

На улице падал мокрый снег, первый в этом году, и Эдмунд шел сквозь него к трамваю, не поднимая воротника, потому что ему было жарко.

Семь тысяч.

Он перекатывал эту цифру, как косточку во рту. Семь тысяч против четырехсот. Она даже не торговалась. Она назвала сумму, как назвала бы цену за перетяжку кресел, и ждала, что он скажет спасибо, и он сказал.

Не дура. Хуже. Она была достаточно умна, чтобы не доверять людям с Герцогского холма, и достаточно глупа, чтобы доверять тому, у кого новая табличка. Она наняла его за то, что он никому не известен, и за то, что он много болтает, и не подумала, что человек, которого никто не знает, не обязан быть тем, кем кажется.

А приданое есть. Четыреста тысяч, от отца, все в банке. Говорить об этом не нужно.

Он не будет. Он напишет.

Только писать надо было быстро. Две конторы, Бриггс, прокат и комната в Хайгейте съедали крон пятьдесят в день, до второго февраля набегало еще тысячи две с половиной, а одного вопроса, вроде тех, что задавали люди с Герцогского холма, хватило бы, чтобы все эти деньги остались висеть на

Вязовой вместе с табличкой.

В трамвае он сел на заднюю скамью, достал книгу записей и на чистой странице, под делом одиннадцатым, вывел: «Дело 12. Семья П., Велмонт. Партия — племянница, 17. Условия: двое претендентов, по 1000; договор, 5000».

Потом закрыл книгу, достал трамвайный билет и на обороте, мелко, написал одно слово, которому в книге было не место:

Хранитель.

Он посмотрел на него, зачеркнул и порвал билет на мелкие клочки. Клочки ссыпал в карман пальто.

Трамвай шел по Сент-Олдвину мимо зимних садов, в которых горел свет, мимо афиш, где обе партии все еще обещали городу то же, что неделю назад, — до выборов оставалось два дня, — и Эдмунд Фарроу сидел на задней скамье с книгой на коленях, и все у него было в порядке.

Хозяйка ждет к обеду, сказала Бетти. Сегодня.

Сегодня была пятница. «Он предпочтителен, — сказала Гонория. — Вы понимаете это слово?» Мартин Эш понимал как нельзя лучше. Эдмунду Фарроу хотелось посмотреть, как это слово ест суп.

А по пятницам в доме на Ивовой обедал капитан Денхолм.

Глава 5: Предпочтительный жених

Капитана Джеральда Денхолма Эдмунд увидел в тот же день, к обеду: пятница была капитанов день, как и говорила Бетти, и за первые две минуты узнал о нем все, что нужно было знать агенту, и еще кое-что, что агенту знать не полагалось.

Капитан был красив. Это следовало признать сразу и больше к этому не возвращаться: тридцать четыре года, выправка, которую не пропьешь и не проиграешь, шрам над левой бровью, маленький и в том единственном месте, где шрам выглядит не увечьем, а биографией. Сюртук был от хорошего портного, и портному, судя по всему, задолжали: локоть подновили, и подновили недавно.

Капитан склонился к руке Тессы.

— Мисс Пеллам, вы свежи, как это утро.

Утро было серое, с мокрым снегом. Тесса просияла.

— Госпожа. — Поклон Гонории был в точности той глупбины, какая полагается тетке невесты. — Ваш дом — единственное место в Велмонте, где я чувствую себя дома.

Гонория наклонила голову.

— Господин Эш. — Капитан повернулся к нему, и Эдмунд увидел, как его оценивают: быстро, по сюртуку, по локтям, по книге под мышкой, и как вся оценка укладывается в одно слово, которое капитан вслух не сказал. — Рад. Нам

всем очень повезло, что вы взялись за это дело.

Три фразы. Свежи, как утро. Единственное место, где я дома. Нам всем повезло. Эдмунд готов был поспорить на тысячу, которую еще не получил, что к концу обеда услышит их еще раз, в другом порядке.

Он слышал их дважды.

За обедом капитан рассказывал о службе. Он служил в гарнизоне на восточной границе, у третьего соседа, которого в Велмонте называли просто «за Ганном», и рассказ у него был обкатанный, с тремя остановками: холодные зимы, честные солдаты, одна стычка, после которой остался шрам. Про саму службу в нем не было ничего. Тесса слушала, прижав руки к груди. Гонория слушала так, будто слышит это в седьмой раз и считает, что оно того стоит. Эдмунд ел и смотрел на руки капитана.

Руки были хорошие. Ухоженные, но не изнеженные, с одним кольцом, фамильной печаткой, и капитан за обедом трижды прикоснулся к этому кольцу. Кольцо, судя по жесту, не раз закладывали и выкупали.

Тридцать четыре. Семнадцать.

Эдмунд положил вилку и взял хлеба.

Болван. Три фразы на все про все, и одна из них про погоду. А напротив девочка семнадцати лет, с книжкой под салфеткой, смотрит на его подновленный локоть, как на обложку с золотым тиснением.

До конца супа он крошил хлеб в пальцах, и горку крошек

Бетти потом смахнула, не глядя на него.

— Господин Эш. — Тесса наклонилась к нему через стол, пока капитан отвлекся на тетку. — А правда, что в Дьюпорте все женихи моряки?

— Не все, мисс Пеллам. Но многие. Там это, знаете, вроде насморка: в каждом доме хоть один, да есть.

— Как это, наверно, романтично. Ждать с моря.

— Главным образом сыро, — сказал Эдмунд. — У меня была одна клиентка, вдова, так она ждала с моря четыре года. Дождалась, а он привез жену из Весперии и попугая. Попугая она потом взяла себе. Говорила, из двоих он вежливее.

Тесса засмеялась, прикрыв рот ладонью. Капитан повернул голову на этот смех, и по лицу у него прошло легкое неудовольствие: отвлекли то, что он считал своим.

После обеда Эдмунд задержался в прихожей, потому что Бетти долго не несла пальто.

Бетти была занята. В щель полуоткрытой двери в коридор к черному ходу он увидел у вешалки капитана в накинutom плаще: тот что-то совал ей в руку.

— На, возьми.

— Господин капитан, я не...

— Возьми, говорю. Хозяйке ни слова. — Голос у него был другой: короче, проще, без всякого утра и свежести. — Тебе с октября не платят, я знаю. Это не милостыня. Это за то, что ты терпишь.

Бетти взяла. Быстро, в кулак, как брала папиросу. Капитан

надел шляпу и вышел черным ходом, не оглянувшись.

Все заняло секунд десять.

Эдмунд отошел от двери прежде, чем Бетти обернулась, и пальто принимал, не сводя глаз с гравюры над зеркалом.

— Хорошая гравюра, — сказал он ей. — Ваша хозяйка в искусстве понимает.

— Это от прежних жильцов, — ответила Бетти. — Ее снять забыли.

Вечер у Гонории был на другой день, в субботу, господина Эша позвали на него впервые, и Эдмунд понял зачем, едва вошел: его показывали. Так Гонория, наверное, показала бы гостям новый экипаж.

В гостиной собралось человек пятнадцать: дамы Ивовой и соседних улиц с мужьями и без, два отставных чиновника, священник и молодой человек из какой-то конторы, которого Гонория называла по имени и не представляла. Эша подвели к каждому: «Господин Эш, наш агент, из Дьюпорта, очень тихо работает». Каждый кивал. Каждая дама смотрела на его локти.

Говорили, конечно, о завтрашнем. Один из отставных чиновников, не отходя от закусок, объяснял священнику, что если завтра мэрию возьмет Обновление, он продаст выезд, пока за него еще дают цену.

— Кому, друг мой? — спросила его жена. — Обновлению?

Кто-то у камина сказал «пересмотр подрядов», и Гонория,

которая как раз поправляляла свечу в канделябре, поправила ее еще раз.

Он кланялся, говорил «госпожа» и считал.

Пятнадцать человек. Из них трое с деньгами, если судить по женам. И молодой человек из конторы, который сидел в углу с чашкой, смотрел на всех разом и, кажется, запоминал. Эдмунд сам так смотрел. Газетчик? Если да, то из тех, кого зовут в дома и кто за это не пишет ничего плохого. «Сорока» из «Курьера», говорили, бывает везде. Может, и здесь.

А потом дверь открылась, и в гостиную вошла дама, которая не кланялась никому.

— Гонория, душа моя, я опоздала, и не делай такое лицо, у меня лошадь захромала. Где этот ваш мальчик? Покажите мне мальчика.

Ей было за семьдесят. Невысокая, широкая, в лиловых кружевах, с брошкой размером с блюдце, она шла через гостиную, как паровоз через деревню: не быстро, но никто не стоял на пути. Голос у нее был громкий и теплый. Слышат ли ее, она давно не проверяла.

— Пруденс. — Гонория поднялась ей навстречу, и это было первое, ради чего Гонория встала за весь вечер. — Миссис Хорнби. Господин Эш, наш агент.

— Так это он? — Миссис Хорнби остановилась перед Эдмундом и оглядела его с головы до ног, как лошадь, которую уже решила купить. — Ну-ка. Повернитесь. Нет, не надо, я и так вижу. Худой. Гонория, он у вас худой. Его кормят?

— Миссис Хорнби, чрезвычайно рад. Позвольте...

— Молчите, я с Гонорией говорю. Его не кормят. У него вид человека, который ест в трактире. Я этот вид знаю, у меня третий муж так выглядел, когда я его взяла, и через год его было не узнать. Садитесь. Сюда. Рядом со мной.

— Госпожа, я, право, не смею занимать место, тут, кажется, господин советник...

— Советник постоит, ему полезно. Садитесь.

Он не собирался садиться, но каким-то образом сел, и рука миссис Хорнби оказалась у него на локте, а локоть — в плену.

— Из Дьюпорта, говорят?

— Девять лет, госпожа.

— И не женаты?

Тут Мартин Эш оживился: на этот вопрос у него был заготовлен ответ длинный и скучный, после которого дамы обычно вспоминают, что им нужно к другим гостям.

— Видите ли, госпожа, у агента в Дьюпорте жизнь особая. Утром у тебя вдова, к обеду ее управляющий, к вечеру они уже непримиримые враги, а венчание в субботу. И вот ты бегаешь с одного конца гавани на другой, миришь, носишь записки, а в субботу стоишь в церкви третьим с краю, и тебя никто не помнит. Какая уж тут...

— Вот! — Миссис Хорнби хлопнула его по локтю. — Всех пристроил, а себя нет. Гонория, ты слышишь? Он вдову с управляющим поженит, а сам в трактире ест.

История была рассчитана на то, чтобы усыпить. Она разбудила.

— Это работа, госпожа, только работа. Я человек служащий...

— Глупости. Работа не оставляет времени у тех, кто не хочет. Вы просто стесняетесь. Я вижу. Мой второй был такой же. Молчал, краснел, а потом оказалось, что он просто не умел сказать. Вы не умеете сказать, голубчик?

— Я, госпожа, умею сказать, что у меня в восемь клиент.

— В восемь вечера клиентов не бывает. В восемь вечера ужинают. — Она обернулась к гостиней. — Гонория! Он не умеет сказать!

Гостиня повернулась к ним. Молодой человек в углу поставил чашку.

Эдмунд сидел с рукой миссис Хорнби на локте и чувствовал то, чего давно не чувствовал: инструмент не работал.

Вежливый отказ работает, если его слышат, намек — если его ловят. Миссис Хорнби ничего не ловила. Она уже решила, что молодой человек ее и стесняется, и все, что он теперь скажет, падало в это решение, как в колодец.

Он попробовал отвести огонь.

— Госпожа, вы так добры. Но вам бы, право, кавалера по-solidнее. Вот господин советник, например, вдовец, человек с положением...

Миссис Хорнби посмотрела на советника. Советник, почувствовав взгляд, втянул живот.

— Этот храпит, — сообщила она. — У меня с ним лежи рядом. Второй акт я из-за него не слышала ни разу, ни в одной опере. Нет уж. Мне посolidнее уже три раза было.

Он попробовал службу. Сказал, что должен еще поговорить с господином священником по делу о венчании, которое никак не может обойтись без господина священника.

— Идите, идите. Я подожду.

Она подождала. Когда через десять минут он вернулся из угла, где священник рассказывал ему о колокольне, свободен был только стул рядом с ней, и Эдмунд подозревал, что не случайно. Рука снова оказалась на локте.

— Ну, как колокольня?

— Протекает, госпожа.

— Я им дам на колокольню. Скажите, что от вас. Вам зачтется.

Он попробовал прямо, насколько это может позволить себе агент в гостиной: что миссис Хорнби, вероятно, принимает его за кого-то другого, что он только служащий, нанятый по делу, и через полтора месяца его здесь не будет, и что...

— Ну-ну, голубчик, — сказала миссис Хорнби, и голос у нее сделался совсем теплым. — Я тоже была молодой.

И это было все.

Уходил он последним, потому что миссис Хорнби уходила предпоследней и до самого порога держала его под руку, рассказывая о тяжбе с соседом из-за водостока, о первом муже, который был глуп, о втором, который был застенчив, и

о третьем, который был здоров как бык и умер за неделю. И о том, что у нее теперь ложа в опере, «а ходить не с кем, представляете».

— Представляю, госпожа. У господина советника, говорят, ложа рядом.

— Он храпит, я вам сказала. Вы что, не слушаете?

Он слушал. Говорила она одна.

В дверях она потрепала его по щеке. Просто потрепала, при Гонории, при Бетти, при молодом человеке из конторы, который как раз надевал пальто и запоминал.

— Худой, — повторила она с нежностью. — Я вам пришлю что-нибудь. Гонория, я ему пришлю.

— Пруденс.

— Пришлю. — Она уже стояла на пороге и обернулась.

— А на Рождество вы у меня. Это решено.

— Госпожа, на Рождество я, право...

— Решено.

И ушла, и экипаж ее, судя по звуку, был хороший, и лошадь несколько не хромала.

Эдмунд стоял в прихожей, пока Бетти подавала пальто, и чувствовал щеку.

Старуха — дура. Нет, не дура: упрямая. Она не играла, и обыграть ее было нельзя.

Пришел он агентом, а уходил «мальчиком миссис Хорнби»; это видели все пятнадцать, и к понедельнику будут знать тридцать.

— Господин Эш. — Гонория стояла у него за спиной. — Пруденс — моя старая подруга. Она бывает утомительна. Но она бывает везде, и ее слушают. Не обижайте ее.

— Я не собирался, госпожа.

— Хорошо. — Она помолчала. — И не принимайте подарков.

Эдмунд поклонился и вышел в снег. Терять ему, кроме локтя, было нечего, а локоть он сегодня уже потерял.

— Худой, — сказал он вслух фонарю. — Я не худой. Я поджарый.

На остановке, на углу Платанового бульвара, оркестрион под рогожей крутил «ленту сезона», и слушал его один книжный автомат. Эдмунд сел в трамвай на заднюю скамью. В просвете улицы проплыла Соборная площадь, где на снегу лежала связанная веревками главная елка: поднимать ее будут в ночь перед Рождеством. До самого Хайгейта он не мог решить, смеяться ему или считать. В итоге считал. За один вечер у него появились пятнадцать свидетелей конторы, один наблюдатель в углу, которого надо иметь в виду, одна тетка, которая его предупредила, и одна старуха, которая его присвоила.

Старуха богата. Старуха будет присылать.

«Не обижайте ее», — сказала Гонория. И сразу же: «Не принимайте подарков».

Он перебирал эти две фразы, пока трамвай не встал на кольцо, и так и не нашел способа выполнить обе. Вернуть

подарок миссис Хорнби значило обидеть ее при всем Сент-Олдвине, а ее слушают везде. Взять — ослушаться Гонории на второй день службы, а Гонория платит.

«Я ему пришлю», — сказала миссис Хорнби. Она не спрашивала.

Мимо конторы на Вязовой ему было по дороге. Под аптечным фонарем, на ступеньке у двери, сидел мальчишка в ливрейной куртке не по росту и дул в кулаки.

— Господин Эш? — Мальчишка вскочил. — Миссис Хорнби велели узнать, какой у господина номер перчаток.

— Передай миссис Хорнби, что перчатки у меня есть.

— Они сказали, вы так и ответите. — Мальчишка шмыгнул носом. — Велели тогда посмотреть самому.

И, не дожидаясь разрешения, уставился на его нитяные перчатки, штопанные на большом пальце.

— Восьмой с половиной, — сказал он сам себе, без всякого вопроса, и побежал в сторону Липовой, не оглядываясь.

Глава 6: Первые претенденты

Претендентов, которые должны отпасть, Эдмунд подбирал, как стекло к оправе: не самое красивое, а то, что сядет.

Первого он нашел в клубе коммерческих служащих на Набережной, куда зашел в пятницу вечером, прямо от капитанова обеда, и еще раз в воскресенье, после службы. Сесил Брум был тридцати одного года, служил в конторе по продаже страховых привилегий, одевался так, что на него оборачивались, говорил так, что его слушали, и имел одно свойство, о котором в клубе знали все, а Эдмунд узнал за третьей кружкой эля.

Сесил Брум не мог не продавать.

У него это было, как у других заикание. Он продавал привилегии на службе, продавал пай в клубе, продавал знакомым то, что ему самому продали накануне, и делал это с таким искренним удовольствием, что люди покупали, а потом долго не могли понять зачем. Его любили. От него прятались. Мошенником он не был: в каждый свой пай он верил первым.

В субботу утром Эдмунд пригласил его в контору, усадил в кресло и сказал то, что говорят в таких случаях: есть семья, есть девица с приданым, семья ищет приличного человека, и господин Брум ему рекомендован.

— Приданое? — спросил Брум.

— Значительное.

— Сколько?

— Семья не называет. Но дом на Ивовой улице, в Сент-Олдвине. Вы понимаете.

Брум понимал. Понял он так хорошо, что тут же предложил Эдмунду пай в деле, которое «через год будет стоить столько, что вам, господин Эш, не придется больше сводить чужих дочерей». Эдмунд отказался и подумал, что этот отпадет сам, стоит только посадить его за стол и дать повод.

Второго он взял для счета.

Условие тут поставила Гонория, еще в пятницу, в прихожей: второй должен быть респектабельный, «чтобы видимость выбора была при людях», и из тех, кого знают в приходе. Эдмунд рассудил, что рядом с солидным человеком Брум отпадет еще быстрее, а солидные люди к семнадцатилетним всерьез не сватаются. Маркус Этеридж, сорока двух лет, вдовец, юрист с собственной практикой на Кэндлвик-роу, рекомендованный священником с субботнего вечера, который «знал его покойную жену и ручался за его порядочность». Порядочный, скучный, честный: в понедельник, к десяти, минута в минуту, Этеридж вошел в контору не оглядываясь, ничего не оценивая, и первым делом спросил, где можно повесить пальто.

— Мне сорок два, господин Эш. Я не рассчитываю на страсть. Я рассчитываю на дом, в котором можно жить. Если девица согласна на такой расчет, я буду рад познакомиться.

— Девиде семнадцать.

Этеридж помолчал.

— Это не препятствие с точки зрения закона.

— Нет.

— А с вашей?

Эдмунд поднял глаза от книги. Вопрос был задан сухо, и Этеридж при этом разглядывал собственные перчатки.

— Моя точка зрения, господин Этеридж, стоит ровно столько, сколько мне платят. Мне платят за претендентов.

— Разумно. — Этеридж кивнул. — Тогда я согласен.

Эдмунд записал его в книгу вторым номером и думать о нем не стал. Этеридж придет, посмотрит, увидит ребенка с книжкой, скажет что-нибудь сухое и откланяется.

Брум отпал на втором визите, в понедельник, и отпал красиво.

На первом, в воскресенье, к чаю, когда весь Сент-Олдвин ходил голосовать, он держался: говорил о театре и о погоде, смотрел на Тессу, как на хорошее вложение, и ни разу не сказал слова «пай». Эдмунд видел, чего ему это стоит: Брум держал чашку двумя руками, чтобы не выронить.

На втором Эдмунд ему помог.

Он только устроил так, чтобы разговор за столом зашел о книжных автоматах — чугунных шкафах со стеклом, которые стояли теперь на каждом углу и выдавали за монету выпуск романа. Тесса как раз рассказывала, что берет «Маску и розу» в таком автомате у трамвайной остановки и что

заправщик приходит по вторникам.

Эдмунд вежливо повернулся к Бруму.

— Говорят, эти автоматы приносят владельцам такой доход, о каком пишут в газетах. Неужели правда? Я человек провинциальный, у нас в Дьюпорте их всего два, и оба у вокзала.

Брум посмотрел на него, как на человека, открывшего дверь.

— Доход? — переспросил он. — Господин Эш. госпожа. Мисс Пеллам. Вы не представляете. Это не доход, это река. Один автомат в хорошем месте дает в неделю столько, сколько лавка в месяц, а их можно ставить десятками, и издатель платит за место, и хозяин места платит за автомат, и...

Он достал из внутреннего кармана проспект.

Эдмунд не знал, что проспект там. Надеялся, но не знал. Проспект был на хорошей бумаге, с цифрами в столбик, и Брум положил его перед Гонорией, между чашками.

Гонория посмотрела на проспект. Потом на Брума. Потом на Эдмунда.

Тут честному агенту полагалось вмешаться, поблагодарить господина Брума и перевести разговор на погоду. Эдмунд наклонился над проспектом.

— Позвольте. Издатель платит за место, хозяин места платит за автомат. А кто же платит издателю?

— Читатель! — Брум просиял. — В том и штука! Все платят всем, а деньги идут через пай.

— Да-да. — Эдмунд покачал головой с восхищением. — Это вы невероятно хитро придумали. Я бы, признаться, и сейчас не понял, если бы вы не показали пальцем.

— Вот здесь. — Брум показал пальцем. — Видите столбик? Пай стоит полторы тысячи. Через год — четыре.

— Четыре, — повторил Эдмунд, будто пробуя на вкус. — А на обороте у вас, кажется, карта?

Брум перевернул проспект и прихлопнул его ладонью, будто бил козырем: город, расчерченный кружками, у каждого кружка цифра.

— Места. Вот трамвайные остановки. Вот вокзалы. Вот, извольте, ваш Сент-Олдвин. Здесь пока пусто.

— Пусто, — огорчился Эдмунд. — В таком квартале. Странно, правда, госпожа? — Он поднял глаза на Гонорию, и Гонория ему не ответила. — Хотя, господин Брум, вот я подумал. Проходное место ведь не обязательно на улице. Скажем, прихожая хорошего дома, куда ходят гости...

Брум замер и медленно повернулся к двери в прихожую.

— Госпожа. — Голос у него сел. — Ваша прихожая. Мы поставим автомат прямо у зеркала. Гости приходят, бросают монету, уносят выпуск — и это ваши деньги, госпожа, каждый вторник! А для такой семьи, как ваша, я мог бы устроить два пая по цене одного. Мы ведь с вами, можно сказать, почти родственники.

— Почти родственники, — восхитился Эдмунд. — Вот это деловой подход. Я бы на вашем месте и третий пай пред-

ложил, для мисс Пеллам, на булавки.

— И третий! — Брум уже доставал карандаш. — Мисс Пеллам, третий пай — на ваше имя...

Гонория смотрела на проспект, как на мышь, которая убежала на скатерть. Эдмунд огорченно сложил руки на книге.

— Господин Брум, — сказала Гонория, — я полагаю, вам пора.

Брум ушел с проспектом и с обидой человека, которому не дали закончить. У двери он попытался всучить пай Бетти.

— Негодный. — Гонория дождалась, пока дверь закроется. — Совершенно негодный. Откуда вы его взяли?

— По рекомендации, госпожа. Огорчен не меньше вашего. В клубе о нем отзывались как о человеке исключительно делового склада.

— Это я видела. — Она взяла чашку. — Ничего. Отпал, и быстро. Тысяча ваша.

Тысячу она отдала в тот же вечер, в конверте, без расписки, и Мартин Эш принял ее, покраснев, и сунул в карман, не пересчитав.

Тесса догнала его в прихожей.

— Господин Эш, а он правда хотел, чтобы тетя купила у него эти шкафы?

— Правда, мисс Пеллам.

— Как странно. — Она подумала. — А я думала, он пришел из-за меня.

— Он пришел из-за вас, мисс Пеллам. Просто он не умеет думать об одном.

Она засмеялась и убежала наверх.

— Капитан мисс Тессе брошь купил, — сказала Бетти, подавая пальто, будто сообщала про погоду. — К Рождеству. С гранатом, у ювелира на Королевской.

— Зачем вы мне это говорите, Бетти?

— Вы агент, сэр. Вам такое знать положено.

В кармане пальто лежало что-то, чего утром там не было. Это был портсигар.

Серебряный, тяжелый, с монограммой «П. Х.» на крышке и с запиской внутри, на половинке карточки, крупным почерком: «Худому мальчику. Курите, это полезно для нервов. П. Х.»

Нашел он его у трамвая, под фонарем. Миссис Хорнби на обеде не было; значит, передала через Бетти, и, надо думать, с кроной: Бетти ничего не делала просто так. Он прикинул на вес. Крон сорок. Серебро настоящее, монограмма лишняя.

— Сорок крон, — сказал он вслух. — За то, что худой.

На остановке никого не было, кроме автомата с «Маской и розой» под стеклом. Эдмунд посмотрел на щель для монеты и подумал о Бруме, который сейчас, должно быть, объяснял кому-нибудь на Набережной, что старая дама просто не поняла цифр.

Настроение у него сделалось отличное. Он ничего не сделал, а ему прислали сорок крон серебром. По его расценкам

это называлось хорошим днем.

На следующее утро мальчишка принес трость. С набалдашником из слоновой кости и с запиской: «Чтобы не сутулились. П. Х.».

Через день — запонки. Золотые, с мелким сапфиром, с запиской: «Видела у вас стальные. Стыдно. П. Х.».

Трость он в тот же день продал скупщику на Дубильной за восемнадцать крон: такую носят напоказ, а Мартину Эшу это не по чину. Портсигар оставил: его никто не видел. Запонки надел. Это было глупо, но стальные и правда были стыдные.

— Ну и что, — сказал он вслух, застегивая манжету. — Подарили же.

Куда это ведет, он думать не стал. В приюте даром давали только то, что никому не было нужно. Теперь ему впервые в жизни давали даром нужное, и он брал: из всего дела только это и шло без усилий.

Этеридж пришел во вторник и не отпал.

Эдмунд понял это по тому, как юрист встал из-за стола: так встают, закончив первую часть работы и собираясь приступить ко второй, — аккуратно, сложив салфетку, с легким кивком хозяйке и с еще более легким Тессе. Тесса весь обед молчала: Этеридж не любил театр, не читал романов и о Дюпорте ничего не знал.

— Госпожа, я благодарен за прием. Я хотел бы просить о разрешении бывать.

— Разумеется, господин Этеридж.

— И я хотел бы, в удобное для вас время, ознакомиться с положением дел. Я юрист, госпожа, и привык знать, в какой дом вхожу. Опекунство, счета, завещание. Это не недоверие. Это порядок.

Гонория не изменилась в лице, хотя ей только что наступили на больную ногу.

— Разумеется, — повторила она.

— Благодарю. Я напишу.

В прихожей, пока Бетти искала его шляпу, Этеридж задержался возле Эдмунда.

— Господин Эш. Вы давно знаете эту семью?

— Пятый день, господин Этеридж.

— Я — один обед. — Этеридж застегнул пальто на все пуговицы, сверху вниз. — Значит, мы оба здесь новые. Мне так спокойнее.

— Мне тоже.

Этеридж посмотрел на него поверх пенсне, коротко, и надел шляпу.

И написал. Письмо пришло на следующий день, и Гонория показала его Эдмунду, держа двумя пальцами. На столе со вчерашнего дня стояла ваза с вечерней мандаринами, как во всех домах Сент-Олдвига перед праздником; мандаринов в ней было шесть.

«Во-первых, позвольте еще раз поблагодарить. Во-вторых, прошу назначить день, когда я мог бы ознакомиться со счетами опекуна за последние три года и с завеща-

нием покойного господина Томаса Пеллама в части, касающейся приданого. В-третьих, с совершенным уважением, М. Этеридж».

— Это что? — спросила Гонория.

— Это юрист, госпожа.

— Я вижу, что юрист. Я спрашиваю, почему он не отпал.

Почему он не отпал, Эдмунд понимал слишком хорошо: честный человек с серьезными намерениями просит показать бумаги. Негодности тут не было никакой. Был человек, который застегивает пальто на все пуговицы, сверху вниз, и так же, сверху вниз, прочтет счета опекунства за три года.

— Я этим займусь, госпожа, — сказал он.

— Займитесь. — Она положила письмо на стол. — И быстро. Счета я показывать никому не намерена. Это семейное дело.

Он поклонился и вышел. На лестнице, где его никто не видел, остановился.

— Взял для счета человека, который умеет считать, — сказал он перилам.

Вторая тысяча не шла: Этеридж не умел отпадать, он умел только делать все по пунктам. Теперь его нужно было убрать так, чтобы он ушел сам, не обидевшись, и не написал в-четвертых.

На последней ступеньке пальцы правой руки сами загнули четыре, потом два. Потом один и семь. Эдмунд разжал кулак и спустился.

Внизу, под фонарем, он застегнул пальто и обнаружил, что в кармане снова что-то лежит. Перчатки. Хорошие, лайковые, на вид на размер меньше. Записка: «У вас, голубчик, руки ледяные. П. Х.».

Он надел их, потому что было холодно, и они оказались впору.

Письмо Этериджа он помнил наизусть. Во-вторых — завещание покойного Томаса Пеллама в части, касающейся приданого. То самое завещание, которое Эдмунд читал при свече, и та самая часть, где три слова — «на условиях договора» — стоили четыреста тысяч. Юрист прочтет эти три слова за минуту.

И первым делом спросит, кто будет писать договор.

Глава 7: Сорок два против семнадцати

— «Во-первых, — прочла Гонория, — не получив ответа на мое письмо от среды, позволю себе напомнить».

Она стояла у окна и читала вслух голосом, каким читают приговор. Письмо пришло в четверг, с утренней почтой, и к одиннадцати Эдмунда уже позвали на Ивовую.

— «Во-вторых, я вполне понимаю, что в семье могут быть обстоятельства, не предназначенные для посторонних, и готов ограничиться выпиской из банка, заверенной опекуном. В-третьих, в субботу в два часа я мог бы быть у вас. С совершенным уважением, М. Этеридж».

На столе под письмом лежал понедельничный «Курьер»: Гонория третий день не давала Бетти его унести. Выборы прошли в воскресенье, и выиграли не те. Мэрию взял Дориан Равенкорт, человек маркиза Стэнмура, а за маркизом стоял Союз Обновления. «Новое время» вышло с шапкой во всю полосу: «СТОЛИЦА ВЫБРАЛА ОБНОВЛЕНИЕ». «Страж» назвал это временным отступлением и на первой колонке повторил слово «временный» четыре раза. Эдмунд прочел это еще в понедельник, в трамвае, и сказал вслух: «Временный. Ну конечно», — после чего дама на соседней скамье отодвинулась от него вместе с корзиной.

Из трех газет он запомнил одно: новая мэрия в первый же день объявила ревизию городских подрядов за двадцать лет, «начиная с водоотводных», и городскую комиссию по Хейлфорду. Комиссия по Хейлфорду была его заботой. Ревизия водоотводов была заботой вдовы, чей покойный муж двадцать лет строил городу водоотводы, и эта вдова стояла сейчас у окна с письмом юриста, который просил показать счета.

— Выписка из банка. Заверенная мной. — Она опустила письмо. — Господин Эш, этот человек в субботу в два часа будет здесь. Отказать я ему не могу: он юрист, он порядочный, его рекомендовал священник, и если я ему откажу, об этом узнает весь приход. Принять не могу: счета я не намерена показывать никому. Вы понимаете положение?

— Понимаю, госпожа.

— Что вы намерены делать?

Что он намерен делать, Эдмунд пока не придумал. Этеридж был единственным порядочным человеком, который вошел в этот дом за неделю, и именно поэтому его нужно было убрать. А зацепиться у Этериджа было не за что: ни проспекта в кармане, ни кольца, которое глядят.

Дверь в зимний сад стояла открытой. Тесса сидела там с книжкой и на трудном месте шевелила губами. Эдмунд посмотрел на нее, потом на письмо в руке Гонории, на все эти «во-первых» и «во-вторых», и представил, как Этеридж тридцать лет подряд отвечает за этим столом на ее вопросы

«весьма». Представилось легко. Он перестал представлять и решил, что Этеридж уйдет, и уйдет так, что еще скажет спасибо.

— Позвольте вопрос, госпожа. Мисс Тереза что-нибудь говорила о господине Этеридже?

— Тесса? — Гонория удивилась, что о Тессе вообще спрашивают. — Сказала, что он похож на ее учителя арифметики. Это не имеет значения.

— Разумеется, госпожа. Учитель арифметики — это очень почтенно. В наших краях учителей уважают до самой пенсии. — Мартин Эш сокрушенно покачал головой. — А там, глядишь, и после.

Гонория не ответила. Она смотрела в письмо и, кажется, уже считала дни до субботы.

— Дайте мне до субботы, госпожа.

— До субботы, — повторила Гонория. — И без грубости. Он порядочный человек.

— Именно поэтому, госпожа.

С Ивовою он пошел не в контору, а на Липовую: благодарить за перчатки. Миссис Хорнби приняла его в утренней гостиной, взяла за локоть и десять минут рассказывала про водосток. Между водостоком и третьим мужем Мартин Эш вздохнул и сказал, что жалеет одного человека: господин Этеридж, вдовец, друг ее покойного поверенного, как он слышал от священника, сидит вечерами один, и никто его никуда не зовет. Миссис Хорнби сказала «бедняжка» и за-

писала что-то карандашом на обороте счета от шорника.

Тэддер нашел его в тот же четверг, вечером, в устричной под Северным мостом.

Мартин Эш в устричную не ходил. Мартин Эш ел в трактире и был худ. Но Эдмунд Фарроу ходил туда с тех пор, как у него завелись первые деньги, и за четыре года это был единственный адрес в Велмонте, который он не менял. Ошибка, он понимал. Но такого омара, как в устричной, не подавали больше нигде.

Тэддер возник из пара, как возникал всегда, сел напротив без приглашения и некоторое время молча смотрел на тарелку.

— А вы в пальто, — заметил он.

— Холодно.

— Пальто другое. То было серое, хорошее. Это темное, похуже. — Тэддер не осуждал, он отмечал. — Переоделись?

— Устал от серого.

— Бывает, господин хороший. Я вот тоже от многого устал. От омара бы не устал, а не дают.

Эдмунд омара не подвинул.

Тэддер придвинулся сам. Так он придвигался, когда у него был товар, а товар у Тэддера был всегда. Тэддер жил товаром, как другие воздухом, и сведения, которые он продавал по две-пять крон, были по большей части пустые. Но из десяти его сведений одно оказывалось полным, и ради этого одного Эдмунд четвертый год покупал и остальные девять.

— Есть кое-что, — сказал Тэддер. — Горы. Помните, я вам про горы? Про того, кого нельзя уронить?

— Помню.

— Так вот, уронили. То есть не уронили, а повезли, да не того. Там не больной был. Там людей везли. — Он понизил голос до шепота, который в устричной слышен за три стола. — Тарнских. Вдовы Кроу. Через перевал, который Кальдер закрыл. Понимаете? Перевал закрыт, а они ходят. С ящиками. Это не наши. Это люди вдовы.

Эдмунд положил вилку.

Ящики он помнил. «Горное оборудование. Тарнби», четверо грузчиков с кряхтением, пустырь за Северным мостом. Помнил, как прикинул тогда, что для оборудования тяжело, и как решил, что это не его дело.

Это по-прежнему было не его дело. Но три кроны, которые он тогда заплатил Тэддеру за пустые сведения, оказались не пустыми, и это задело его сильнее трех крон: правду он купил, а товар не взял.

— Это все?

— Это даром. По старой дружбе. — Тэддер оглянулся. — А вот это за деньги.

Он придвинулся еще.

— По городу ходит человек. Спрашивает. Не про горы, нет. Про бумагу. Кто за последние две недели покупал следы. Квитанции, поручителей, бланки. Ходит по Дубильной, по Бумажному ряду, по лавкам. Платит пять крон за имя. Я

ему, конечно, ничего. Я вас не знаю. — Он улыбнулся. — Но я подумал: вы человек, который покупает. Вам, может, интересно.

— Какой человек?

— Немолодой. Аккуратный. Вежливый. С книжкой в клепке. Говорят, он раньше у «Братьев Хейл» работал, должников искал. Теперь сам по себе. Прозвище у него есть, да я забыл. Что-то со счетом.

Эдмунд достал две кроны и положил на доску.

— Две.

— Три. Я ж на холоде стоял, пока вы омара. И под праздник сведения дорожают: все покупают подарки, господин хороший.

— Я подарков не покупаю. Две. Горы вы мне продали за три, и они были пустые. Это сдача.

— Так они ж оказались полные!

— Через две недели. За две недели я с вас процентов не беру.

Тэддер подумал, посмотрел на омара и взял две.

— Человек с книжкой, — сказал Эдмунд, когда Тэддер уже вставал. — Кого он ищет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.